

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

А. П. ОКЛАДНИКОВ

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙШЕМ НАСЕЛЕНИИ ЯПОНСКИХ ОСТРОВОВ И ЕГО КУЛЬТУРЕ

Вдоль восточного побережья азиатского материка, с севера на юг, тянется гирлянда Японских островов, центральное место в которой занимает наиболее крупный остров — Хонсю. К нему примыкают с юга другие большие острова — Сикоку и Кюсю, а на севере — Хоккайдо, отделенный проливом Соя от Сахалина¹.

Сопровождая материк на протяжении около 2000 км, острова отделены от него сравнительно небольшим расстоянием. Существенно также, что с внешней стороны островной дуги наблюдаются самые большие глубины, а с внутренней, обращенной к Корее и Китаю, — мелководье. Подъем всего на 200 м был бы достаточен для соединения Японских островов с континентом.

Геологические данные и остатки древней фауны показывают, что действительно еще в четвертичное время здесь существовала постоянная связь с азиатским материком, откуда проникали крупные животные, в частности слоны и носороги. Бесспорных следов пребывания человека в это время на территории нынешней Японии, однако, не найдено. В одной из пещер провинции Харима (на юге Хонсю) в 1931 г. были, правда, обнаружены геологом Наора кости южного слона и слона особого вида (*Elephas pomadicus*), с признаками сильных ударов, и грубые каменные предметы. Однако большинство исследователей не считает находки Наора следами деятельности человека.

В качестве «палеолитических» раньше описывали также грубо оббитые большие изделия из камня, иногда напоминающие по форме мезолитические орудия Запада. В действительности такие предметы постоянно сочетаются с более совершенными по отделке вещами, свойственными развитому неолиту, и с керамикой. Зато очень богато представлены следы развитого неолита, памятники которого характеризуются наличием керамики, полированных орудий из камня, наконечников стрел. Таковы прежде всего «раковинные кучи», рассеянные вдоль морского побережья, стоянки открытого типа, пещеры и торфяники с культурными отложениями, древние погребения.

¹ Южнее от перечисленных островов располагаются Малые Рюкю, а севернее — Курильские. Ниже речь идет преимущественно о прошлом четырех больших островов собственно Японии, так как памятники остальных во многом отличны и слабо изучены.

О количестве неолитических памятников могут дать представление следующие цифры: в 1878 г. был отмечен первый неолитический памятник (Омор), а в 1882 г. их отмечено уже 500; в 1897 г.—1841; 1898 г.—2281; 1901 г.—3133; 1917 г.—5188; 1928 г.—10 142, а к 1930 г. подсчитано 10 876 неолитических стоянок, 617 раковинных куч, 30 гротов с культурными остатками и 86 местонахождений неолитических захоронений. Обилие неолитических памятников — следов деятельности человека неолитического времени — объясняется прежде всего общеизвестными благоприятными естественно-географическими условиями Японских островов в последнеледниковое время (влажный и теплый климат, теплое морское течение Куро-Сиво, богатая растительность).

Воды морей, омывающих Японские острова, реки и озера и сейчас, «как нигде в мире», изобилуют рыбой. Здесь насчитывается около 700 видов рыб, множество съедобных моллюсков, водорослей, раков и крабов. Не так давно в прибрежной полосе, особенно на севере, появлялись киты, тюлени и дельфины. В таких условиях одним из наиболее важных источников существования для населения всего «островного мира» были промыслы, связанные с морем, реками и озерами.

О хозяйственной роли собирательства, в особенности сбора съедобных морских моллюсков, крабов, раков, различных водорослей, наглядно свидетельствуют столь характерные для всего местного неолита (от крайних на юге островов Рюкю до северной оконечности Хоккайдо) раковинные кучи². В большинстве раковинные кучи располагаются вдоль Тихого океана на восточном побережье, богатом бухтами. Обычно кучи достигают 30—100 м длины и 10—30 м ширины; мощность пластов в них колеблется от 30—60 см до 2 м (Осабе). Объем раковинных куч Омори был равен 11 000 м³. В пищу употреблялись различные виды морских, а также речных моллюсков. В частности, в раковинных кучах Касори содержались раковины 62 видов моллюсков. Встречаются также остатки иглокожих и ракообразных, употреблявшихся в пищу наравне с моллюсками. Всего же насчитывается не менее 100 видов моллюсков и рыб, употреблявшихся в пищу «людьми раковинных куч».

Кроме моллюсков, раков и водорослей собирались в большом числе съедобные корни, плоды и орехи, различные травы, молодые побеги бамбука. Даже в условиях сурового климата и скудной растительности Курильских островов собирание растительной пищи имело очень важное значение для местного населения. Лаперуз, один из первых западноевропейских путешественников по этим местам, нашел в айнских хижинах «большие запасы сухих корней одного вида лилий (камчатской сараны), также разные другие луковицы и корни Ангелики». Наиболее значительным было собирательство в южных районах; об этом можно судить по археологическим находкам. В одном из наиболее интересных неолитических местонахождений, в торфянике Корекава, благодаря консервирующему влиянию торфа, сохранились растительные остатки, сопровождавшие следы древнего поселения. Здесь было очень много скорлупы ореха, конского каштана и грецкого ореха. Растительная пища растиралась в «каменных тарелках» (Кокурахо, у Киото), а также в специальных ступках каменными пестиками. Находки в Корекаве (как и наблюдения, сделанные при раскопках в долине реки Тама у Токио) указывают на важное значение растительной пищи.

Рыболовство достигло высокого развития. Кости рыб в кухонных отбросах неолитического времени столь же обычны, как и раковины.

² Уже в средневековых описаниях отдельных провинций наряду с прочими их достопримечательностями упоминались и огромные кучи, целые холмы из раковин. Пытаясь объяснить происхождение куч, их гигантские размеры, старинные писатели и местные предания рассказывают, что они остались не от обыкновенных людей, а от великанов, некогда живших по берегам морей и питавшихся моллюсками.

Неолитическое население в основном употребляло в пищу те же самые виды, что и современное. В той же Корекаве найдены кости, принадлежавшие рыбам 21 вида. Но этот список может быть легко увеличен. Крупную рыбу били гарпунами; в раковинной куче у Сицука (провинция Хитаси) даже найдена кость гигантской рыбы тай (морской лещ) с засевшим в ней острием костяного гарпуна. Мелкую рыбу ловили сетями. От сетей сохранились каменные грузила — плоские, овальные гальки с выбоинками на концах. Во многих поселениях, начиная с самых ранних, находят многочисленные и прекрасные по отделке рыболовные крючки, вырезанные из целой кости. Неолитические рыбаки, разумеется, устраивали разнообразные заколы с вершами для ловли рыбы на озерах и речках. У них были, конечно, и лодки; в старину в торфяниках находили большие древние лодки, которые хранились иногда даже в храмовых сокровищницах, игравших роль своеобразных музеев. Часть таких лодок, возможно, относится и к неолиту. Вероятно существование не только долбленых из целого дерева, но несравненно более легких лодок из кожи, упоминаемых преданиями об исчезнувшем мифическом племени «коропок-гуру».

Смелые мореходы, приморские охотники не только ловили морскую рыбу вдали от берега, но и охотились на морского зверя, на тюленей, дельфинов и даже китов, кости которых нередки в слоях прибрежных стоянок севера. На севере, в районе нынешнего Токио и особенно на острове Хоккайдо, в связи с развитием морского промысла очень обильны костяные гарпуны. Они представлены двумя типами: 1) обыкновенные неолитические гарпуны — в виде стержня с шипами и основанием — насадом, иногда с отверстием для привязывания веревки, и 2) поворотные, сходные с древними эскимосскими, представляющими одно из наиболее остроумных по замыслу и совершенных с технической стороны орудий рыболовства и охоты в неолите. Они имеют втулку, снабжены двумя и даже тремя шипами у насада и расщепом на другом конце для закрепления каменного носка, а также украшены тонким резным узором.

Из наземных животных охотились больше всего на японского оленя (сика) и диких свиней, кости которых обычны на стоянках. Встречаются также кости лисы, волка, местного вида медведя, барсука, зайца и обезьяны (макаки). Кости птиц (орел, японский ворон) редки.

Основным охотничьим оружием служил лук. Счастливые условия находок в Корекаве сохранили замечательные образцы деревянных неолитических луков. Их было найдено пять. Один лук достигал 173 см длины, остальные 100—150 см. Очень хорошо сохранился малый лук, сделанный из двух брусков, обмотанных корой и, очевидно, склеенных друг с другом. Сверху этот лук был покрыт красным лаком. Наконечники стрел изготовлялись из камня и кости. Каменные наконечники многочисленны и разнообразны по форме. Преобладают наконечники с черенком, треугольные с вогнутым и прямым основанием, ромбические и овальные. Среди треугольных особо выделяются, как узко-локальный тип, наконечники с узким вытянутым острием и массивными широко расставленными жальцами. Каменные наконечники стрел изготовлялись преимущественно из обсидиана, которым богаты многие местности Японии с ее вулканами. Изредка встречаются каменные полированные кинжалы, длиной 20—40 см. Известны оббитые наконечники копий лавровистой формы.

Может быть, частично к охотничьему вооружению относятся оригинальные дубинки «секибо» из камня, нередко с причудливо украшенными головками, а также деревянные кинжалы и мечи из Корекавы.

Следы земледелия и скотоводства в неолите Японских островов

отсутствии. Из домашних животных известна была только собака. Кости домашних собак известны из многих местонахождений в Огути (Ясано-стайа), Арекава, Хосоура и др., а в раковинных кучах у деревни Нинагага был обнаружен совершенно целый скелет собаки, погребенный в особую устроенную яму под раковинными слоями. Этот факт особенно указывает на важное значение собаки в жизни неолитических охотников, рыболовов и собирателей.

Тысячи неолитических поселений показывают, что неолитическое население островов издавна жило оседло. Неолитические поселки располагались у воды в местах, наиболее богатых рыбой, съедобными моллюсками, а на севере — и морским зверем. Самые многочисленные и обширные из этих поселков связаны с морскими бухтами и заливами. Наиболее древние поселения сейчас, правда, находятся нередко в глубине страны, вдали от морского побережья. Но находки, сделанные в них, показывают, что тогда море вдавалось далеко в глубь современной суши и неолитические люди селились у самого моря.

Столь характерные для неолитических японских поселков «раковинные кучи» являются лишь «спутниками» настоящих жилищ, скоплениями кухонных отходов. Нередко такие кучи отходов лежат рядом с жилищами, а иногда перекрывают следы заброшенных жилых построек, превратившихся в свалочные места. Во многих случаях следы жилищ перекрывают друг друга: очевидно, на одном и том же месте люди жили поколение за поколением, но старые жилища со временем приходили в упадок, и тогда на их месте или рядом с ними возводились новые жилые постройки.

На северо-востоке главного острова Хонсю с его более прохладным климатом, а тем более на Хоккайдо, где зимой бывают почти сибирские морозы, неолитическое население устраивало глубокие полуподземные жилища. Об устройстве древних землянок можно судить и по этнографическим данным, относящимся к аборигенам этих мест — айнам. По словам русского исследователя П. В. Буссе, юрты сахалинских айнов строились так: «Выкапывается квадратная яма аршина в два глубиной. Для составления стен устанавливается корбасник (тонкий лес). Наклон стен довольно пологий, и потому крыша складывается из особых деревьев, склоняющихся со всех сторон к середине; в правой стороне крыши оставляется отверстие для дневного света, остальное, кроме входа, засыпается все землею, так что зимою, когда нападёт много снега, можно подойти к отверстию, служащему окошком, и оттуда смотреть вниз землянки. Перед входом, или, лучше сказать, спуском в землянку устраиваются сени; вход прикрывается дощатою дверью аршина в 1½ вышины и столько же ширины; дверь эта отодвигается, и сходят в землянку по маленькому трапу». Неолитические поселения и жилища более южных районов были во многом сходны с северными, хотя ямы для жилищ копались не так глубоко.

Жилища, связанные с раковинными кучами, на о. Хонсю впервые начал изучать Э. Мунро. Он обнаружил в раковинных кучах Митсусава около Канагавы (провинция Мусаси) вертикальные углубления для столбов, которые уходили в глину, подстилавшую культурный слой. Углубления оказались заполненными черной землей и культурными остатками, в особенности рыбьими костями. Поблизости Мунро нашел очаги, принадлежавшие жилищу. Остатки аналогичных жилых сооружений-полуземлянок были найдены во многих других местах; например в Убаяме овалы основания жилищ были углублены по отношению к древней поверхности на 20—75 см и окаймлены вертикальными ямами для столбов. Посередине располагались очаги, выложенные крупными речными камнями. В одном случае очагом (жаровня для углей) служил чашевидный глиняный сосуд, заполненный жженой глиной и

золой. В других жилищах часто бывало несколько очагов, и тогда они располагались вдоль длинной оси жилья. Очаги обычно имели специальные углубления с обкладкой из плит по краям. У очагов помещались сосуды и различная утварь. Очертания жилищ чаще всего были овальные, но встречались также круглые, шести- и восьмиугольные. Известны огромные жилища с множеством ям для столбов и рядом очагов. Есть и небольшие жилища, например в раковинных кучах Моррисо (у городка Мисаки, префектура Канагава).

Основание жилища, найденного в Моррисо, имело очертания, близкие к прямоугольнику с трапециевидной входной частью; площадь жилища была равна 14,5 м². Среди различных углублений на полу отчетливо выделялись цилиндрические вертикальные ямы для столбов диаметром 30—38 см, глубиной 27—47 см. В одной из ям посреди пола нашли спрятанные каменные блюда для растирания растительной пищи. Поблизости лежали кости животных, клыки морского льва и типичная неолитическая керамика.

Очагов вскрыто три: из них один был в центре, диаметром 50 см, глубиной 5 см и содержал много обломков сосудов.

В качестве особой третьей группы неолитических жилых сооружений в Японии упоминаются также жилища, вымощенные камнем.

С жилищами связаны разнообразные предметы бытового обихода. Такова прежде всего различная глиняная посуда, употреблявшаяся для варки и хранения пищи. В Корекаве посчастливилось найти остатки плетеных корзин и деревянных сосудов, сделанных с большим мастерством (есть даже лакированный сосуд). В жилищах встречается много мелких каменных орудий для домашних женских работ: скребков, проколов, ножей. Очень характерны широкие кривые ножи из кремня или обсидиана с оригинальной формы ручкой. Они известны в разнообразных вариантах и могли употребляться подобно эскимосскому женскому ножу уло. Часто встречаются «каменные тарелки», «зернотерки», песты и отбойники. Имеются тесла, мотыги, топоры вальковые с острым обухом, двусторонне выпуклые с линзовидным сечением. Последние бывают и с плоскими ребрами. Из кости выделялись шилья и лучки для огневого сверла, котсырым, повидимому, и добывался огонь. Внутренность жилищ, сиденья, места для спанья, как и теперь, выстилались плетеными из травы и камыша циновками, отпечатки которых имеются на днищах глиняных сосудов (а в Корекаве найдены обрывки и настоящих циновок). Изготовление циновок, а также грубых тканей из дикорастущих трав, в частности крапивы, или древесной коры находилось на высоком уровне.

Встречающиеся внутри жилищ антропоморфные статуэтки, о которых речь будет ниже, а также материалы погребений дополняют общую картину хозяйственно-бытового уклада неолитического населения Японских островов еще одним важным штрихом. Они дают представление об одежде и о дополнявших ее украшениях. В одних случаях одежда состояла из штанов и короткого кафтана, разрезанного спереди, с узкими рукавами; в других—из широкой длинной рубахи, которая надевалась через голову. Существовали различные, иногда очень сложные головные уборы.

Одежда украшалась богатым орнаментом, основные мотивы которого те же, что и на сосудах или деревянных вещах. Кроме того, носили бусы из кости и камня, костяные пластинчатые браслеты, вырезанные из раковин нагрудные круги, различные фигурные подвески из кости и клыков кабана. Широко употреблялись также кривые подвески из камня, так называемые «магатама», в которых усматривают имитацию клыков кабана. Помимо обычных украшений, в ходу были и особые вставные кнопки для ушей в виде костяных или глиняных стерженьков.

в кружочков с желобком по краю. Тело украшали татуировкой и росписью. Вероятно при помощи специальных штампов из глины — «шнугалер».

При обширных размерах большинства неолитических жилищ сооружение их, несомненно, было делом большого, крепко сплоченного коллектива. Характерно, что старинные зимние жилища полуподземного типа айны строили коллективно, силами всех сородичей. Исчезновение таких жилищ в конце XIX в. было следствием распада древних общинно-родовых связей, так как сооружение общей земляной юрты требовало много сил и больших расходов, непосильных для одной семьи. Построенные целым коллективом дома ему и принадлежали, были общинной собственностью, жилищем ряда родственных семейств. В айнской юрте жило рядом несколько семейств, причем каждая семья имела свой очаг. «Очаги эти, — сообщает Буссе, — фута в полтора в квадрате. Устраиваются между столбами, поддерживающими крышу. На них не кладут дров в землянках, а угли... В землянках довольно тепло, но зато духота невыносимая, в особенности вечером, когда отверстие в крыше закрывается».

Айны XIX в., разумеется, далеко ушли от каменного века, их культура и социальные отношения испытали уже тогда разрушающее влияние колониальной эксплуатации, гнет колонизаторов-японцев. Но весь уклад обширных коллективных жилищ, принадлежавших роду, восходит к очень отдаленному времени. Сравнивая большие многоочажные жилища неолитического времени с позднейшими айнскими, нужно сделать вывод, что их коллективно строили и вместе жили в них члены родовой общины. О жизни древней родовой общины, покоившейся на началах коллективизма, может дать некоторое представление рассказ японского писателя Р. Окамото об айнах, живших на острове Сюзусю: «Так как все старики, малые и больные не могут находить себе пищи, то все остальные соединенными силами оказывают им помощь. Если один кто-либо получает вещь, то он разделяет ее между всеми. Имеющие помогают недостаточным. В каждом доме бедность и богатство, горе и радость бывают общими, и вся деревня представляет собою как бы одну семью».

Тесная связь сородичей, основанная на кровном родстве и общинном хозяйстве, находит свое отражение и в планировке поселка, особенно там, где отдельные жилища не велики по размерам. Землянки всегда группируются целыми десятками на одном месте. Они плотно примыкают друг к другу, как пчелиные соты в улье, и действительно представляют собою как бы «одну семью», по выражению Р. Окамото, один большой организм из множества клеток. Этим организмом в неолитическое время был материнский род.

Пережитки материнского рода с полной отчетливостью прослеживаются в этнографическом материале. Тем более интересны для понимания внутренней жизни неолитического населения археологические факты, косвенно указывающие на высокое положение женщины, на ее важную роль в жизни родовой общины. На всей территории Японских островов, особенно на северо-востоке, встречаются, как сказано, оригинальные антропоморфные изображения из глины. К 1929 г. их зарегистрировано более восьмисот (на 424 поселениях). Обыкновенно изображалась фигура стоящего с опущенными руками человека и очень редко — человека в сидячем положении. С особой тщательностью передавались детали костюма. Некоторые статуэтки выделяются наличием огромных выпуклых глаз или сложного головного убора. Все статуэтки происходят только из поселений и совершенно отсутствуют в могилах. Большинство статуэток имеет ясно выраженные или даже преувеличенно подчеркнутые признаки женского пола.

Обилие этих статуэток, являющихся одним из наиболее характерных признаков местного неолита, тщательная отделка и сложный костюм их, наконец, неременная связь с жилищем указывают на важное значение их в жизни неолитического населения. В них можно видеть культовые изображения мифических «владычиц» и «родоначальниц» эпохи материнского рода (как и в подобных статуэтках из неолитических памятников Запада и в верхнепалеолитических изображениях женщин из Европы и Сибири). С описанными статуэтками мы выходим уже в область наиболее трудную для понимания ее на основе одних только чисто археологических фактов, в область религиозной идеологии. Тем не менее и здесь в нашем распоряжении имеется достаточно яркий материал, позволяющий сделать некоторые общие выводы.

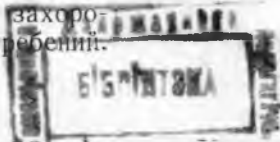
В центре религиозных воззрений неолитического населения Японских островов находились представления и действия, также связанные с женским началом, отражавшие реальное положение женщины-матери в жизни рода. Многие женские статуэтки из «раковинных куч» Японии окрашены в красный цвет; не раз уже отмечалось, какое значение имеет в первобытной религии этот цвет, с которым у первобытного человека ассоциируются представления об огне, крови и еще более широкий круг идей о рождении и смерти. На большинстве статуэток встречается узор в виде зигзага или спирали. Исследования Л. Я. Штернберга показали, что у айнов такой узор аналогичен изображениям змей и одновременно солнца. Все эти понятия, как известно, в древности связаны были с представлениями о женщине-праматери.

С другой стороны, ценным источником для понимания религии изучаемого нами населения являются неолитические погребения. В 86 пунктах (в гротах—6, поселениях—8, раковинных кучах—72) при различных обстоятельствах найдены остатки около 900 человеческих костяков. Более половины находок падает на префектуру Микава, к востоку от озера Бива, 50 — на север о. Хонсю, около 100 — на Кюсю, а остальные — на южную часть Хонсю.

Могильники времени неолитических раковинных куч вполне соответствуют одновременным родовым поселкам по плотности, по количеству и даже отчасти расположению могил. Они нередко представляют обширные «деревни мертвых», не уступающие «некрополям» неолита, известный в других частях света. Так, в Хирай найдено около 50 погребений, в Ко — 75, в Цукумо — 166, в Иосико 302 скелета. Это были следовательно, настоящие родовые кладбища.

В раковинных кучах костяки встречались обычно сразу под пластами раковин, в темном земляном слое, т. е. погребенной древней почве, в песке или глине. В известном поселении Ко, где не было слоев раковин, костяки лежали сразу под культурным слоем. В некоторых случаях скелеты лежали над пластами раковин и между ними. В Миятосиме, где мощность куч достигала 7 м, скелеты находились в нижних и в верхних слоях раковин, а также в промежуточном слое.

Исследования могильников показали, что находки человеческих костей в раковинных кучах не являются результатом людоедства, как думали раньше, а связаны с погребальным ритуалом. Захоронения производились поблизости от жилища или до образования куч отбросов, или тогда, когда последние были уже давно заброшены и представляли собою рыхлые холмики, удобные для устройства кладбищ. Глубина могил (от современной поверхности почвы) колеблется от 20 до 140 см. В подавляющем большинстве костяки сильно скорчены и лежат на спине со ступнями обеих ног у таза и коленями на уровне груди, кисти рук у подбородка. Очень редки костяки вытянутые, сидячие, захороненные ничком на животе. Известно несколько совместных погребений.

Орнаментация сильно колеблется, но чаще всего костяки обращены головой на восток, затем на юго-восток, северо-восток и север.

Как и прежде, костяки покоились в земляных ямах; над некоторыми костяками лежали камни. Встречены также каменные «ящики» из плит. Дети иногда хоронили в глиняных сосудах. Известны и особого рода захоронения сожженных остатков взрослых — в небольших глиняных урнах под кучей камней. Отмечены два случая захоронения на полу ямы. Необычные захоронения в квадратном порядке с обрамлением из дубовых костей найдены в Иосико. Костяки сопровождаются обычно только одними украшениями и реже керамикой, причем сосуды нередко прикрывают череп.

Весь этот разнообразный, но строго соблюдавшийся в каждом случае ритуал захоронения указывает на определенные представления о душе и загробной жизни, на сильно развитый культ мертвых. Важен, в частности, широко распространенный и здесь обычай обсыпать мертвых красной охрой, разводить в могиле огонь (находки в Цукумо, Миягосима, Иосико, Икавацу и Хоби). В той же связи, вместе с общими для первобытного человечества, для людей эпохи материнского рода воззрениями на жизнь и смерть, идеей воскресения и возрождения к новой жизни, следует рассматривать ориентировку костяков, очевидно, по солнцу, хотя, к сожалению, положение костяков по отношению к рекам, горам и другим объектам не отмечается.

Об этих же идеях свидетельствуют следы обычаев, отмечавших рождение человека или его переход в число взрослых членов рода. Таковы факты, косвенно свидетельствующие о наличии обрядов инициации — «посвящения юношей», частые случаи намеренного уродования зубов. Во многих случаях при мужских костяках находили в области таза своеобразные привески, в том числе прямые воспроизведения фаллосов. В поселениях же одним из наиболее характерных для всей этой «культуры веревочной керамики» («дзэмон-культуры») предметов являются загадочные палицы «секибо», близость которых к фаллическому культу, столь развитому здесь, и в позднейшее время к культу плодородия, устанавливается их видом и формой.

Неолитические материалы Японских островов дают ясное представление о глубоко своеобразных местных произведениях искусства, накладывающих отпечаток резкой самобытности на неолитическую культуру в целом. Это — статуэтки, о которых говорилось, затем бесчисленные образцы керамики, украшения, различные орнаментированные бытовые вещи из камня и кости, в частности палицы — секибо. Они отличаются особой прихотливостью форм и орнамента, позволившей некоторым исследователям сравнивать стиль неолитического искусства Японских островов со стилем барокко.

Характерный для неолита Японских островов орнамент отчасти напоминает криволинейную «ленточную» керамику Запада, Амура и соседнего Китая. Особенно велико сходство спиральных узоров, представленных самыми разнообразными вариациями. С другой стороны, обнаруживается еще больше различий не только в частности, но и во всем ходе развития керамики и связанного с нею орнаментального искусства.

Хронологические изменения в формах и орнаменте керамических изделий, обусловленные как сдвигами в технике, так и развитием вкусов местного населения, особенно интересны потому, что на них, в сочетании с геологическими данными, строится общая схема классификации и хронологии памятников неолита в целом. Разрешение этих вопросов не только важно для установления последовательной смены этапов неолита, но и позволяет глубже понять неолит Японских островов, как определенный этап в истории их населения, и увязать его с событиями последующего, «исторического» времени.

Вопрос о хронологии неолитических памятников на территории современной Японии, имеющий столь важное значение для ее древнейшей истории, очень сложен и мало разработан. Это находит свое объяснение в том, что несмотря на обилие памятников и огромные размеры накопленного вещественного материала, изучение неолитических памятников резко отстает от темпов сбора сведений о них. Методика исследований, что иногда признают и сами японские археологи, стоит на очень невысоком уровне, господствуют кустарные, «любительские» приемы раскопок. В качестве типичного для капиталистической Японии примера можно привести «исследования» одного из наиболее выдающихся памятников неолита — торфяника в Корекаве. В течение ряда лет его «раскапывал» со своей семьей помещик Идзумияма. Была вырыта «поразительная масса различных остатков», причем все находки хранятся в доме семьи Идзумиямы и недоступны даже для самых высокопоставленных археологов Японии, так как, по словам последних, все эти вещи «земледелец выкапывал в собственных, частных интересах». О методологической стороне исследований нечего и говорить!

До сих пор остаются не вполне выясненными первоочередные вопросы: о характере локальных групп памятников, стратиграфии и относительной хронологизации неолита. Всюду сказывается стремление в угоду определенным реакционным настроениям и тенденциям извратить факты, дать их в специально препарированном виде. Требуется поэтому особая осторожность в оценке не только выводов, но и самих наблюдений японских археологов.

Учитывая все это, отметим, что обилие керамики и ее разнообразие не раз уж давали повод некоторым ученым строить схемы хронологической смены отдельных этапов неолита. Опираясь исключительно на стилевые черты керамических изделий, такие схемы разработали, например, Накайя и Матсумото, работы которых сразу нашли отклик на Западе, но не были приняты всеми японскими археологами, как спорные и недостаточно обоснованные. По-новому, на более надежной основе, к решению этой проблемы приступили в 1926—1930 гг. другие японские исследователи, стремившиеся использовать в своей работе опыт западноевропейских археологов.

Уже первые исследователи раковинных куч Морз и Милн указывали на большое значение геоморфологических данных для определения возраста и последовательной смены во времени неолитических памятников различного типа. Известно, что множество раковинных куч, образование которых непосредственно связано с водными бассейнами, лежит вдали от воды; некоторые кучи, состоящие из одних только морских раковин, удалены от современного морского побережья на 20—50 км. Такое расположение куч может объясняться только тем, что с каменного века море значительно отступило от берегов Японских островов.

Если изменение прежнего соотношения моря и суши шло постепенно и медленно, то можно проследить, как люди переносили свои поселения все ближе и ближе к современному берегу, следуя за отступающим морем. Их культура между тем должна была изменяться. Изменение же культуры находило выражение в различиях отдельных памятников, причем наиболее древние из них, естественно, должны были находиться дальше от современного берега. Если же стоянки разного типа находятся вместе в глубине страны, то самыми древними из них должны быть те, в которых встречаются одни только морские раковины, а самыми поздними — поселения с остатками пресноводной фауны. Исходя из этих положений в 1922—1926 гг. Р. Токи, а в 1926—1932 гг. К. Ойама и его сотрудники поставили своей задачей проследить связь между древними береговыми линиями и раковинными кучами в районе Токио (равнина Канто).

Этот район известен последовательным отступлением моря и осушением соответствующих площадей бывшего морского дна вследствие заволабутия речных потоков и поднятия уровня земли. Старинные карты, географические названия и современные наблюдения подтверждают предположение известную правильность этих изменений. Работы Токи и Ойеми подтвердили эту гипотезу. Оказалось, что древние раковинные кучи действительно располагаются в глубине равнины соответственно очертаниям древних заливов, сейчас целиком заполненных речными наносами.

Рассматривая керамику из древнейших по геоморфологическим и фаунистическим данным раковинных куч, исследователи установили, что она обладает многими характерными чертами и отличается от керамики более поздних памятников.

Древнейшая керамика³ представлена большими высокими сосудами с плоским дном, с грубым геометрическим узором на верхней части и так называемыми «рогожными оттисками» на всей поверхности, внешне напоминающими оттиски витых шнурков или грубой ткани (в действительности они сделаны с помощью какого-то штампа). В высшей степени характерно расположение «рогожных» оттисков зигзагами так, что по горизонтали образуются полосы, напоминающие перо или «позвоночник рыбы». В северо-восточной части Хонсю к этой керамике, расчленяемой японскими археологами на три особых типа, приближается хорошо изученная керамика богатого находками торфяника Исио (префектура Аомори). Древнее поселение, бывшее на месте этого торфяника, располагалось в 7 км от берега океана, где над аллювиальной равниной, прорезанной двумя небольшими реками Мобуси и Нинда, возвышается холм Исиояма (130 м высотой). В нижних слоях торфяника найдены остатки глиняных сосудов трех типов, из которых наиболее древними являются так называемые «цилиндрические вазы» («ento-doki»).

Все цилиндрические сосуды — плоскодонные, очень высокие и столь же узкие, оправдывая тем самым название цилиндрических. Стенки их почти всегда прямые и лишь в некоторых случаях несколько сдавлены у горла. Поверхность обычно сплошь покрыта «веревочным» орнаментом в виде параллельных, друг другу вертикальных зигзагообразных линий. Венчик снизу часто бывает опоясан накладным валиком и орнаментирован ромбами, простым спиралевидным узором. Простая, еще не расчлененная форма и несложный узор показывают, что «цилиндрические» сосуды, вместе с сосудами из древнейших поселений Канто, представляют собой наиболее архаическую исходную керамику. Простоте формы соответствует грубость массы, из которой изготовлены сосуды типа исио. Эти глиняные сосуды по размерам, форме и орнаменту поразительно близки к плетеным корзинам-сосудам Малайского архипелага и Японии. Вполне допустимо, что керамика типа исио происходит именно от подобных плетеных вместилищ, а потому сохранила свойственную им форму и их чисто технический по истокам орнамент.

Несколько выше в Исио встречены были сосуды более развитой формы. Они сохраняют еще удлиненные очертания, но вместе с тем уже имеют резко расширенное горло, а также вычурный, пластически оформленный, богато орнаментированный венчик.

Что касается дальнейшего развития, то ряд фактов дает основание связывать его с керамикой особого типа — «катсусака». Сосуды такого типа в раковинных кучах Канто, например в местности Nanazami, лежали над слоями с более древней керамикой. В кучах около поселка Нагасаки такая керамика сопровождалась пресноводными раковинами,

³ Техника грубая: в глине примесь растительных волокон.

тогда как рядом были кучи с керамикой типа исио и с морской фауной. Отсюда следует вывод о большей молодости памятников с керамикой типа «катсусака». В Исио аналогичные сосуды также находились в верхних слоях торфяника.

«Катсусака» — керамика, известная из очень многочисленных поселений (не менее двух тысяч на одном только северо-востоке главного острова). Наиболее важными памятниками в этой группе являются два торфяника — Камегаока и Корекава. Последний находится на расстоянии всего 200 м от замечательной стоянки Исио и расположен около речки Араида на небольшом возвышении (17 м над уровнем моря). Под верхним гумусным слоем в Корекаве залегают два слоя торфа. В нижнем его слое сохранились различные растительные остатки (преимущественно грецкого ореха), кости животных, раковины, а также различные изделия из камня и кости. В основании этого слоя находились стволы и ветви орешника, каштана и криптомерий. Следы жилищ прослежены были только в верхних слоях в виде углублений с очагом.

В Корекаве, как сказано выше, было найдено более тысячи почти полных сосудов, местами находились даже целые, не раздавленные земляки. Техника изготовления глиняной посуды в это время стояла уже на значительной высоте, хотя попрежнему горшки выделялись от руки, без гончарного круга, способом спирально-ленточного налета из полос шириной 5—10 см. Поверхность сосудов тщательно выглаживалась и лощилась, а во многих случаях перед лощением покрывалась тонким слоем красной краски или обмазывалась асфальтом.

Формы сосудов претерпевают дальнейшее прогрессивное развитие. Рядом с архаическими сосудами простой цилиндрической и баночной формы находятся изящные вазы с резко расширенной верхней частью и столь же выпуклым телом. При суженной шейке и узком днеще появляются также биконические кубки на ножках затейливой формы, низкие блюда и чаши, фляги, бомбовидные сосуды и амфоры; наконец, характерные сосуды с носиком — изумительные по совершенству формы «курильницы» и другие изделия.

Слошной «веревочно-текстильный» орнамент сохраняется лишь на грубых сосудах, исчезая с изящных, обладающих лощеной поверхностью. Типичный для ранней керамической группы узор в виде «елочки» (Ujō-Jōmon) больше вообще не встречается, его заменяют косые, параллельные друг другу пунктирные линии.

Сильно усложняется орнаментика. В орнаменте преобладают плавные кривые линии, исключительно сложные и вместе с тем геометрически правильные спиральные фигуры, а также связанные с ними элементы в виде латинских знаков S, X, ромбов и треугольников с вогнутыми сторонами.

Очень эффектны различные приемы сочетания орнамента и фона. Широкие орнаментальные полосы, заполненные «веревочными» оттисками, оконтуренные вдавленными линиями, резко выделяются на гладком фоне. В ряде случаев мастер противопоставлял орнаментальные поля и фон различной окраски. Не ограничиваясь сочетанием лощеного малиново-красного фона с естественной поверхностью сосуда на орнаментальных полосах, он применял сочетание красного цвета с черным, розовым. Не довольствуясь в этом, мастер прибегал к часто пластическим приемам, используя контраст между углубленным или, наоборот, выпуклым узором и гладким нейтральным фоном. Особо тщательно бьются украшены венчики, приобретающий самые оригинальные и роскошные формы. Именно эти пластические украшения венчика и производят, по словам некоторых исследователей, своей необычайной для неолита пышностью впечатление стиля барокко.

На следующем этапе, названном керамикой Омори по раковинным кучам в Омори, формы сосудов, при сохранении многих элементов стиля катусаса, значительно упрощаются, грубеют; аналогичные изменения одновременно происходят в орнаменте. Преобладают баночные горшки, чаши и блюда простых очертаний; есть грубые острореберные сосуды. Становятся более простыми и грубыми пластически оформленные венчики с рельефными выступами. Отмечается постепенное исчезновение столь обильных в более раннее время изящных спиральных узоров. Вместо них изредка применяются дугообразные рисунки или цепочки из овалов, двойных или с продольной линией внутри. Эти и некоторые другие узоры, повидимому, возникли путем видоизменения спирального орнамента в сторону его упрощения и схематизации.

Параллельно с видоизменениями криволинейного орнамента усиливается значение прямолинейно геометрического нарезного узора, наблюдается переход криволинейных узоров в прямолинейные. Вновь начинает преобладать сплошной, свойственный древним сосудам особый «веревочный» узор, точнее штамповый ложнотекстильный. По нему, как фону, небрежно прочерчиваются линии простого узора — параллельные косые, шахматно-ромбическая сетка, несложные дуги и овалы, тяготеющие к верхней части сосуда. Одна из наиболее характерных особенностей керамики группы Омори — применение накладных примятых пальцами валиков, опоясывающих сосуд у горла и по краю венчика. Вместе с тем техника изготовления сосудов значительно совершенствуется. Появляются сосуды с твердыми и тонкими стенками (*Usudeshiki* — тонкостенные).

Смена неолитических памятников, характеризующихся отмеченными видами керамики, была несомненно очень длительной, поскольку она протекала в геологических масштабах. Учитывая темпы непрерывного изменения уровня равнины Канто, где находятся кучи Омори и многие другие отмечавшиеся выше памятники, исследователи пытались даже определить их абсолютный возраст; так, Милн считал, что с момента образования куч Омори прошло максимум 3 000 и минимум 1 500 лет, причем первая цифра значительно вероятнее. Между тем стадия омори включает собой ряд других, предшествующих ей, и представляет лишь конечное звено настоящего неолита. Остальные памятники должны уходить еще глубже в прошлое. Геоморфологические наблюдения подкреплялись палеобиологическими. Установлено, что состав раковин в кучах отражает изменения в морской фауне и, следовательно, в климате, происшедшие с момента их образования. Например указывалось, что в кучах Омори были найдены раковины, известные сейчас только на юге, у о. Кюсю, и, таким образом, с момента образования куч произошло ухудшение климата.

Уже с самого начала неолитическая культура населения, оставшего раковинные кучи, находилась на довольно высоком уровне. Это население выделявало превосходные шлифованные вещи из камня, обработка кости была хорошо развита. Население умело делать глиняные сосуды, пользовалось луком и стрелами, достигло высокого уровня в изготовлении тканей и обработке дерева. Обитало оно в больших общинно-родовых поселениях — деревнях состоявших из больших коллективных жилищ. Ничем не уступая с самого начала другим племенам земного шара, находившимся на низшей ступени варварства, первобытное население Японских островов впоследствии создало весьма своеобразную культуру, далеко пошло вперед в области техники и искусства. Им были созданы замечательные, единственные в своем роде, керамические изделия, изумительный орнамент. Уже в неолите был открыт лак, применявшийся для покрытия луков и бытовой утвари.

И все же процесс развития охватывал лишь отдельные стороны культуры, притом не ведущие, не имеющие решающего значения в истории. Сменялись формы керамических изделий, менялся орнамент, а хозяйственный уклад оставался неизменным в ходе тысячелетий. Население Японских островов, начиная с самой ранней эпохи и кончая омористадией, существовало исключительно собирательством, рыбной ловлей и охотой. Разительный пример — раковинные кучи, сопровождающие поселения всех стадий, позволяющие и весь неолит островной страны называть «неолитом раковинных куч». Основные орудия производства соответственно этому тоже сохраняли свой прежний характер. Не изменялись в своем характере поселения. Не заметно существенных сдвигов и в «поселках мертвых», в ритуале и инвентаре погребений, в религии.

В чем причина такого странного положения вещей, почему оставались неизменными основы неолитической культуры?

В условиях мягкого климата, разнообразных ландшафтов и щедрой на дары природы собирательство, рыболовство и охота без особого труда и напряжения доставляли многочисленным обитателям островов пищу и одежду. Природа и здесь, как и в более южных областях, вела человека «на помочах». Большое значение должно было иметь отсутствие крупных животных на островах. Это исключало возможность приручения животных и возникновения скотоводства. Единственное домашнее животное местного неолита — собака.

Выраженно-горный характер страны и отсутствие в диком виде растений, пригодных для возделывания, не способствовали переходу от собирательства к земледелию; островной характер страны направлял хозяйство людей по иной линии. Несмотря на существование на протяжении 2000 лет интенсивной земледельческой культуры, площадь лесов в Японии и сейчас в четыре раза больше обработанной земли.

Кроме того, в эти отдаленные времена море первоначально изолировало острова от материка, препятствовало массовому переселению племен с более высокой культурой. Долгое время отсутствовали, таким образом, и внешние стимулы, которые могли бы содействовать ускоренному развитию и смене неолитической культуры иной, более высокой. Со временем, однако, такая смена произошла. Ее характер и условия, в которых она происходила, представляют большой исторический интерес, так как это событие явилось поворотным пунктом, началом новой эпохи в истории Японских островов, с которой неразрывно связано происхождение современной Японии, японского государства и культуры.

Археологическими исследованиями в Канто и других областях установлен факт появления после неолитической «веревочной» керамики типа омери иной, названной «яйоисики» по улице Яйои в Токио, где впервые она была найдена. Памятники с такой керамикой объединяются под названием «яйои-культуры» или «энеолитической»⁴. Яйои-керамика резко отличается от более древней. Здесь преобладают сосуды желто-бурого и коричневого цвета. Господствуют определенные стандарты: чаши на высокой ножке; амфоры; круглодонные и остродонные сосуды с высокой шейкой; оригинальные вазы с широким блюдовидным венчиком и другие. Они проще по форме, чем более ранние. Несравненно грубее орнамент. Поверхность сосудов часто бывает покрыта своеобразными штрихами, произведенными при отделке их лопаточками в момент изготовления. Узор наносился преимущественно «щеткой» или гребенчатой лопаточкой из дерева и сводился к волнообразным полосам из параллельных вдавленных линий, окаймленным узкими полосками

⁴ Как будет показано ниже, энеолитической в нашем смысле эту культуру назвать нельзя; она относится к поздней бронзе и к началу железного века в Китае, к концу первого тысячелетия до н. э. и даже к первым векам нашей эры.

время лопы. Широко применялись накладные валики из глины. Нередко на издупках укладок керамики, все эти новые черты связываются с более совершенной техникой изготовления посуды. Отмечается даже спорадическое применение гончарного круга.

Изменения в материальной культуре затронули и каменные орудия. Появляются новые формы каменных орудий, до того неизвестные. На таких местонахождениях, как широко известное Ко, при раскопках, произведенных Киотским университетом, и во многих других местах найдены шлифованные ножи полулунной формы, с двумя или тремя отверстиями в середине для прикрепления к ручке. Распространяются топоры новых типов.

Костяные и каменные орудия попрежнему господствуют, но вместе с тем среди них очень часто появляются вещи, подражающие металлическим. Из шифера и сланца выделывались очень совершенные копии металлических оригиналов — наконечников стрел, ножей и кинжалов.

Металл был, следовательно, хорошо известен, но изделия из него оставались еще очень редкими. На стоянках металлические вещи вообще неизвестны. Характерно также, что из числа металлических изделий для этого раннего времени известны и в могилах только предметы вооружения, преимущественно кинжалы или короткие мечи из бронзы, наконечники копий, да такие предметы роскоши, как бронзовые зеркала.

Одновременно происходят глубокие перемены в хозяйственной жизни. В слоях с яйои-керамикой уже встречаются кости лошади. Бесспорным становится широкое распространение земледелия. Возможно, что и в более раннее время существовали некоторые зачатки возделывания растений, однако серьезные доказательства отсутствуют. Теперь появляются настоящие земледельческие орудия: мотыги из мягкого камня с поперечным жолобом для прикрепления к рукоятке.

Впервые найдены и остатки культивировавшихся растений. В черепках глиняных сосудов встречаются обугленные зерна риса и их отпечатки. В некоторых поселениях обнаружены характерные сосуды с дырочками для приготовления риса в пищу путем распаривания над кипящей водой. Земледелие постепенно оттесняет на задний план прежние первобытные способы хозяйства. В связи с распространением земледельческой культуры в тех местах, где появляются памятники «энеолитической» яйои-культуры, все реже и меньше по размеру становятся раковинные кучи.

Коренной перелом в хозяйственной жизни сопровождался и дальнейшими сдвигами во всех ее областях. Имеются многочисленные примеры, отражающие (как будет показано) широкое развитие обмена, и притом не столько внутри островов, сколько с материком. Изменился во многом характер поселений. Вместо больших многосемейных общинно-родовых жилищ появляются землянки меньших размеров. Одновременно исчезают связанные с древними жилищами изображения женщин. Происходит, очевидно, переход от материнского рода к отцовскому.

На этом общем фоне становятся понятными и многие другие факты, рисующие хотя и отрывочными, но резкими штрихами внутренний строй общества. Условия и характер находок металлических вещей не оставляют сомнения, что ими пользовался очень узкий круг людей. В отличие от массы населения это были те, в чьих руках находилось вооружение, сосредоточивались богатства в виде различных продуктов обмена. Они должны были владеть и лошадьми. Как известно, на всем протяжении позднейшей истории Японии лошади принадлежали «рыцарям», а не крестьянам.

Различие между массой населения и впервые выделяющейся родовой знатью находит свое выражение и в погребальном ритуале, в могильниках. Только для знати характерны своеобразные погребения в глиняных парных урнах. Каждая пара подобных сосудов соединена верхними частями, иногда так, что венчик одного входил в глубь устья другого. Внутри сосудов, кроме остатков человеческих костей, найдены фрагменты бронзовых зеркал, цилиндрические бусы из камня типа «кудатама», бронзовые наконечники копий, кинжалы или мечи, т. е. предметы роскоши и вооружение, все то, что отличало знатных от рядовых членов рода.

Различия между поздним неолитом и «энеолитической» культурой так велики, что японские, а вслед за ними и западные археологи объясняют их расовыми причинами. «Теории» этих археологов, связанные с расовыми, шовинистическими тенденциями буржуазной науки, отражают политику жесточайшего национального угнетения малых народностей и племен Японских островов (в особенности айнов) господствующими классами японской народности — самураями, в течение многих столетий. Такие теории реакционных японских археологов пронизаны стремлением отделить японцев от презираемых и угнетаемых айнов, объявить японский народ «избранным народом», чистой расой. Так, еще на первом этапе изучения неолита Японских островов один из основателей современной японской археологии профессор Токийского университета Цубои выдвинул положение о том, что айны не имеют никакого отношения к неолитическим памятникам на территории современной Японии. По мнению Цубои, памятники каменного века на Хонсю и Хоккайдо принадлежат якобы особому, ныне совершенно исчезнувшему народу коропоктуру, родственному эскимосам; айны, следовательно, пришельцы с севера.

Против взглядов Цубои и его сторонников, как явно неосновательных, тогда же резко выступили известный антрополог проф. Коганеи и другие (Сираи, Яманака, Сатоо Ситоми). Коганеи пришел к выводу, что современная Япония в неолите была «страною айнов», а карлики коропоктуру относятся к области мифа. Другое название древних обитателей землянок «тойсекуру» или тоньчи, известное в разных вариантах, разъясняется Коганеи как «земляные жители» и «земляным жилищем обладающие боги», а также «землю обжигающие люди», т. е. гончары. Известно, кроме того, что сами северные айны в относительно недавнем прошлом пользовались именно земляными жилищами для зимы, умели выделывать грубую глиняную посуду, пользовались каменными орудиями. На одном из Курильских островов, в старой айнской земляной юрте, на чердаке была, например, найдена связка стрел с каменными наконечниками, а поблизости находилась целая мастерская каменных орудий.

Айны в конце XIX в. еще хорошо помнили, как выглядели и назывались каменные изделия. У них записана даже поговорка: «каменным топором рубить дерево — большая мука». Богатая орнаментика айнов стоит к неолитической ближе, чем какая-либо другая. В хозяйстве айнов, охотников и рыболовов, в их социальном строе (пережитки матриархата) сохранилось много общего с их неолитическим прошлым. Наконец, установлено широкое распространение айнских по происхождению географических названий и следов айнского физического типа не только в неолите, но и в современности на Японских островах, включая самые южные — Рюкю. Следует признать, что айны действительно генетически связаны с неолитическим населением Японских островов и долго сохраняли различные элементы его культуры.

Реакционерам-археологам не удалось оторвать айнов от их родины, объявить их чуть ли не самыми поздними пришельцами. Это вынуждены

были признавать и многие из последователей Цубои, выдвинувшие взамен старой теории (последствующую сейчас) теорию об изначальном существовании двух резко отличных рас: прапайонцев и протоайнов. Согласно этой теории «протоайны» связываются с культурой «веревочной керамики», прапайонцам же принадлежала яйои-культура. Еще в неолите обе расы и созданные ими культуры существовали будто бы рядом: «прапайонская» раса на юго-западе, а «протоайнская» — на северо-востоке. Разделявшая их граница будто бы проходила по озеру Бива на главном острове, но впоследствии прапайонцы в борьбе с айнами продвинули ее на северо-восток. Все сводится, таким образом, к борьбе двух рас: «протоайнской» и «протопайонской».

Эта теория построена (в отличие от теории Цубои) с учетом накопленного фактического материала по неолиту и энеолиту. Но этот же материал убедительно доказывает, что сами взаимоотношения «рас» и культур определялись иными, вовсе не расовыми причинами. Только обратившись к этим действительным причинам можно понять, почему и как сменился неолит энеолитом, как и в каких условиях стали возможны те взаимоотношения между этническими группами Японских островов, которые отражены писаной историей.

Вопреки утверждениям реакционных археологов факты показывают, что неолитическая культура Японских островов почти на всем их протяжении, от Хоккайдо до Рюкю, первоначально имела много общего и разделить ее на две совершенно самостоятельные культуры — южную и северную — никак нельзя. Известны, например, далеко к югу от озера Бива (поселение в Ко и другие) находки «веревочной» керамики, совершенно сходной с материалами северо-востока.

Все население, следовательно, прошло ранние неолитические ступени одинаковым образом, в одни и те же примерно сроки. Вместе с тем нельзя так резко отграничить территориальную культуру «веревочной» керамики от яйои-культуры, как это пытаются делать. На самом деле, последняя культура даже свое название получила от памятника, находящегося в центре области «веревочной» культуры, на северо-востоке о. Хонсю, в г. Токио.

В ряде мест, как на севере, так и на юге, например в Ко, установлен затем последовательная смена неолитических слоев с «текстильно-веревочной» керамикой более поздними, содержащими керамику типа яйои. Можно даже проследить постепенный переход от неолита к яйои-культуре. Уже на ступени катсусака появляются типы сосудов, позднее приобретающие доминирующее значение в керамике яйои-культуры, например чаши на высокой ножке. В орнаменте на ступени омори впервые проявляются с большой силой тенденции к схематизму и прямолинейности, которые находят свое выражение в яйои-орнаментике.

Наиболее отчетливо последовательное превращение старых форм культуры в новые сказывается на ряде памятников типа поселения в Ибусаки, на крайнем юге провинции Сатсума, раскопанных Кюотосским университетом. Под слоем вулканических отложений там была найдена типичная для культуры яйои керамика красно-коричневого цвета. На значительной глубине от первого культурного слоя, под вулканическим пеплом, оказался второй горизонт, давший неолитические находки. В керамике нижнего горизонта хорошо представлены образцы спирального узора в виде кривых линий с крючковидными концами и других близких к ним по характеру рисунков, очень близких к орнаментике северо-востока на стадии омори. Вместе с ними были найдены сосуды с широкими накладными лентами у венчика, украшенными в стиле яйои — нарезными линиями, чаще всего в виде треугольников. С другой стороны, эти ленты и их узор совпадают со столь типичными для Омори накладными валиками. Совершенно такая же переходная кера-

мика была найдена в Уки (провинция Хидзен) и даже далеко на севере — в Осуми, у Иокогамы. Следовательно, культура яйои есть во многом прямое продолжение более древней неолитической — результат ее изменения. Все говорит о том, что имела место не простая смена старой культуры новой, принесенной на северо-восток в готовом виде прото-японской расой, а происходил какой-то иной, несравненно более сложный процесс, в котором так или иначе принимала участие большая часть населения страны.

Существенной чертой этого процесса является определяющая роль, которая на решающем этапе принадлежала связям островного мира с материком. Не может быть сомнения, что культура риса заимствована с материка, из Китая или Кореи. Лошади на островах появились оттуда же. Металл (бронза) тоже заимствован с материка. Бронза так и называлась «каракана» — буквально «корейский металл». Бронзовые мечи оригинальной формы, наконечники стрел, бронзовые зеркала, бусы, стеклянные диски (би) и другие вещи, характерные для энеолита Японских островов, выделывались в Китае и Корее.

Даже керамика, при всех ее связях с местным неолитом, сближается с материковой корейской, во многом напоминает сосуды, производившиеся в Китае и Корее. Более того, самые характерные энеолитические изделия из камня — мотыги с поперечным желобком и шлифованные ножи полулунной формы с просверленными отверстиями — тоже заимствованы с материка, где известны и сходные шиферные копии металлических кинжалов. Способ захоронения в глиняных двойных урнах не был известен в неолите на Японских островах, но хорошо известен на материке вплоть до Амура.

Отмеченные заимствования датируются первыми тремя веками до нашей эры (время старшей Ханьской династии и начало правления младшей Ханьской династии в Китае). В это время Китай уже оставил позади длительный путь развития, создал самую высокую и древнюю в пределах Восточной Азии культуру. Мощь китайского государства достигла невиданных прежде размеров. Соседи Китая, многочисленные варварские племена испытывают на себе эту силу и влияние китайской культуры как в пустынях Монголии, так и на юго-востоке — в Манчжурии. Японские острова были, следовательно, только крайним на юго-востоке звеном в цепи периферийных стран, охваченных влиянием Китая, причем влияние китайской культуры проникло сюда через посредство Кореи. В Манчжурии и в Корее, как и на Японских островах, до этого еще длился каменный век, широко применялись шлифованные орудия из камня. Теперь же под влиянием связей с Китаем, под прямым воздействием китайцев, население Кореи, Манчжурии, а затем и Японских островов порывает с прошлым, с традициями каменного века, с древним матриархально-родовым строем. В результате всех этих событий существенно меняются первоначальный состав населения, его этнический характер и культура.

К моменту распространения металла и земледелия на Японских островах не существовало еще ни японской, ни айнской народности в их современном виде. Как показывают неолитические памятники, при их общем сходстве расчленяющиеся на частные локальные группы, территорию современной Японии тогда заселяли различные племена, связанные между собой лишь соседством или обменом (об этом свидетельствуют находки на севере Японии изделий из халцедона, происходящих с материка), но вместе с тем родственные друг другу. Культура Японских островов представляла лишь одно из звеньев в цепи островных культур Тихого океана, чем, повидимому, объясняется сходство некоторых ее элементов, в частности керамики и орнамента, с древней новогвинейской.

В антропологическом отношении, как указывали Л. Я. Штернберг и другие исследователи, древние обитатели Хонсю, как и современные айны, тоже являются северной ветвью большой древней тихоокеанской аустралоидной расы, отличительными чертами которой считают длинную голову и бородатость.

Из современных обитателей Японских островов ближе всего к древнейшему населению по культуре и физическому облику стоят айны. Но и японцы, будучи смешанной по расовому составу народностью, входят в кровном родстве с айнами, с неолитическим населением островного мира. Это объясняется условиями, в которых шло формирование японской народности и современных айнов, начиная с энеолитической стадии.

На данной ступени развития море уже не изолировало острова, как прежде. С материка проникали сюда представители корейско-манчжурских племен, смешивались с туземцами и оседали на их земле. Параллельно такое же движение, хотя в несравненно меньших масштабах, происходило из южных областей со стороны Малайского архипелага. В свою очередь жители Японских островов проникали на материк, нередко в качестве разбойников-пиратов. Таким образом, на древней «айноидной» основе постепенно сложилось новое смешанное население, от которого произошли впоследствии современные японцы с их гибридным, по словам лингвистов, языком и столь же сложным физическим обликом; в последнем и сейчас ясно выделяется ряд типов. Смена неолита энеолитической культурой показывает также, как параллельно с оформлением нового населения постепенно стирались различия между культурой племен континента и островов, все яснее обозначались общие черты, воспринятые от Китая.

Понятно, что преобразование туземной отсталой культуры Японских островов, в той или иной степени охватившее все острова, кроме Хоккайдо, полнее и быстрее происходило на юге, медленнее на севере, где дольше сохранялись следы каменного века. Мостом, соединявшим Японские острова с материком, были крайний с юга остров Кюсю и сопровождающие его мелкие острова. В ясную погоду с южного побережья Кореи хорошо виден остров Цусима, а с Цусимы всегда видны мелкие острова, лежащие перед Кюсю. Здесь пролегали древнейшие пути, связывавшие островной мир Восточной Азии с центром распространения памятников энеолитической яйои-культуры. Отсюда она распространяется в другие области, охватывая все новые районы.

Распространение новой, энеолитической культуры далеко не везде шло мирным путем, скорее наоборот. Об этом можно судить знакомясь с археологическими источниками и с письменными документами, отражающими жизнь носителей энеолитической культуры и их дальнейшую историю. Именно у них впервые (гораздо раньше, чем у соседей) выделяется родовая знать. Китайские документы говорят даже о существовании «княжеств». На самом деле это были не княжества, а родовые группы во главе с военными всждями из числа знати, ибо первоначальных «княжеств» было не меньше, чем соответствующих родовых групп. Китайцы сами писали, что «в области моря Ло-Лан живут люди Во, разделенные на сотню государств». С течением времени карликовые «княжества-роды» объединяются в более крупные, а стоящие во главе их военные вожди иногда даже получают от китайских императоров титулы «королей». Например спустя всего один-два века после того, как были совершены погребения в двойных урнах близ Окамото, эти земли уже упоминаются китайскими летописями под именем королевства Идо, На, или Матсура.

В анналах младшей Ханьской династии упоминается, что в 57 г. н. э. посланник земли Идо явился ко двору императора и получил от него

печать. В 1784 г. на территории древнего Идо (в Коносаки, пров. Такудзэн) крестьянин нашел золотую печать с надписью «Хань королю страны Идож. Это и была, очевидно, печать, полученная посольством 57 г.

Ведя бесконечные войны, князья и «короли» юго-запада стремятся к подчинению соседних с ними племен, к захвату их богатств и земель. Это облегчалось тем, что изолированные от прямого воздействия Китая племена юга и севера развивались медленнее, а вследствие этого у них дольше сохранялись пережитки неолитической техники и первобытно-общинные связи, основанные на коллективном производстве и кровном родстве. Пользуясь превосходством боевой техники, племена юга во главе со своими князьями начинают проникать в соседние области. В древнейших письменных источниках (7—8 веков спустя) все воспоминания об этом продвижении были связаны с личностью мифического первого «земного» императора Дзимму Тенно, перешедшего якобы с Кюсю на главный остров в провинцию Ямато. В этих же источниках находит отражение и дальнейшая многовековая ожесточенная борьба с более отсталыми насельниками севера («эбису», «эзо») и отчасти юга («кумасо», «хаято»). В борьбе счастье не всегда было на стороне захватчиков. Племена севера издавна славились своей храбростью. По словам Неси Хиронори, северные племена «по нравам были смелы, сильны, склонны к разбоям, искусны в стрельбе из лука, быстры в движениях, выше всякого сравнения». В 1656 г. иезуит Фроз писал, что народ этот «храбр на войне, и японцы его очень боятся». Даже названия южан «кумасо» и «хаято» содержат понятия дикости и мужества.

Восстания хаято отдельными вспышками длились до самой середины VIII в. (730 г.). В то же, примерно, время (712 г.) треть главного острова еще целиком находилась в руках эбису. Но все же впоследствии и наиболее сильные племена севера или целиком истребляются, или частью оттесняются все дальше и дальше на северо-восток, где от них произошли современные айны, или же ассимилируются захватчиками.

Одновременно в процессе этой борьбы завершилось формирование японской народности.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ⁵

- Die Ainu. Japans Urbbevölkerung. Die Woche, Jahrgang 34, 1932.
- A k a b o r i E. On the relations between types and materials of polished stone axes found in Japan (Japan. text). The Journal of the Anthropological Society of Tokyo, v. XLVI, Tokyo, 1931, pp. 81—89.
- Local differences of chipped stone arrowheads in Japan (Japan. text, English résumé). The Journal of the Anthropological Society of Tokyo, v. XLVI, Tokyo, 1931, pp. 161—181.
- А н у ч и н Д. Н. Материалы для антропологии Восточной Азии. I. Племя айнов. Труды Антропологического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, т. XX, кн. 2, вып. 1. Протоколы заседаний Отдела с 3 ноября 1865 по 13 мая 1875 г. Под ред. Н. Г. Керцелли и Д. Н. Анучина, 1876 г. 4 таблицы рисунков (типы и черепа айнов).
- B ä l z E. Referat über Vortrag von E. Bälz: Die Steinzeit und Vorgeschichte Japans (Württembergischer Anthropologischer Verein, 13 Jan. 1906). Korrespondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, Bd. 37, 1906, S. 65.
- Zur Rasse der Japaner und Koreaner. Verhandlungen der Gesellschaft Deutscher Naturforscher und Ärzte, 78. Versammlung, T. 2, 1907, S. 211.
- Zur Vor- und Urgeschichte Japans. Ztschr. für Ethnologie, Bd. 39, Berlin, 1907, S. 281—310.

⁵ Библиографический аппарат к этой работе был утрачен во время войны. Данный список главных литературных источников по затронутым в ней вопросам составлен вновь при содействии Н. А. Береговой.

- Prehistoric Japan. Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for 1907. Washington, 1908, pp. 523—547 (Перевод «Zur Vor- und Urgeschichte Japans, 1907»).
- de Baryen van G. Les origines du peuple japonais. La Revue, v. 26, 1916, № 224, pp. 702—707.
- Bathelier John. The Ainu of Japan. London, 1892.
- The Pre-History of Hokkaido and Ainu. Place Nanes considered. 1925.
- Baudouin M. Discussion sur les mégalithes funéraires japonais et sur ce qu'ils prouvent. III Congrès Préhistorique de France, Autun, 1907, Paris, 1908, pp. 478—480.
- Baudouin A. Le Japon avant les Japonais: étude d'ethnographie et d'archéologie sur les Aïnou primitifs. Paris, 1911.
- Bianchi R. Contributi all'antropologia e all'antropogeografia dei popolazioni del Pacifico settentrionale. Archivio per l'Anthropologia e l'Etnologia, v. 40, 1906, pp. 51—96.
- Бискуп С. W. The historic geography of early Japan. The Geological Review, v. XIII, January 1923, No. 1.
- The historical geography of early Japan. Annual Report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for 1925, Washington, 1926, pp. 547—568.
- Ble y h o e f f e r B. Der Ursprung der Japaner. Ztschr. «Daheim», 61. Jahrgang, 1925, No. 38.
- Богаевский Б. Л. Археология на службе у японского империализма. Сообщения ГАИМК, № 5—6, 1932, стр. 7—20.
- Техника первобытно-коммунистического общества. История техники, т. I, ч. I. Труды Института истории науки и техники АН СССР, Сер. IV, вып. 1, М.—Л., 1936.
- Bryan J. Ingram. The Origin of the Japanese Race. Transactions and Proceedings of the Japan Society, v. 22, London, 1925, pp. 90—105.
- Chamberlain A. F. The Japanese Race. Journal of Race Development, v. 3, pp. 176—187.
- Chamberlain B. H. The language, mythologie and geographical nomenclature of Japan, viewed in the light of the Ainu studies. Tokyo, 1887.
- «Ko-ji-ki or Records of Ancient Matters», translated into English by B. H. Chamberlain. 2. Edition. With notes by the late W. G. Aston, an index of names and places and bibliography of books of the Ko-ji-ki written since 1883. Kobe: J. L. Thompson & Co.; London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., LXXXV, 1932.
- Conrad A. Zur Frage nach Alter und Herkunft der sogenannten japanischen Dolmen. Ostasiatische Ztschr., Bd. 4, 1915—1916, S. 229—247.
- Findeisen Hans. Die Ainu. Geschichte des Kunstgewerbes aller Zeiten und Völker, Bd. 4, Berlin, 1930, S. 44—47.
- Frank A. W. Notes on the discovery of stone implements in Japan. International Congress of Prehistoric Archaeology, 1868, p. 258.
- Gowland W. The dolmens and burial mounds in Japan. Archaeologia, v. V. London, 1897, pp. 439—524.
- Hagen K. Japanische Grabgefäße. Korrespondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, Bd. 48, 1917, S. 70—73.
- Zur japanischen Vorgeschichte. Korrespondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, Bd. 48, 1917, S. 70—73.
- Haguenauer M. C. Two lectures on prehistoric and protohistoric Japanese civilisation. I. Development of early Japanese civilisation. What do we know about the origin of the Japanese. Tokyo, Maison Franco-Japonaise, 1931.
- Hamada Kōsaku. Corpus of the Yaoishiki pottery. Reports upon Archaeological Research in the Department of Literature, Kyoto Imperial University, v. 3, 1916.
- Report of the excavation of a neolithic site at Kō in the prov. of Kawachi (Japan. text, English résumé). Reports upon Archaeological Research in the Department of Literature, Kyoto Imperial University, v. 2, 1918.
- Second excavation at Kō, a neolithic site in the province of Kawachi (Japan. text, English résumé). Reports upon Archaeological Research in the Department of Literature, Kyoto Imperial University, v. 4, 1920.
- Excavation of the shell-mound at Idzumi in the province Satsuma. Reports upon Archaeological Research in the Department of Literature, Kyoto Imperial University, v. 6, 1921.
- A prehistoric site at Ibusuki in the province of Satsuma and the pottery found in it (Japan. text, English résumé). Reports upon Archaeological Research in the Department of Literature, Kyoto Imperial University, v. 6, 1921.
- Hamada Kōsaku and Shimada Sadahiko. Ornamented Tombs in Kiūshū. Reports upon Archaeological Research in the Department of Literature, Kyoto Imperial University, v. 3, 1916.
- Hamada Kōsaku, Shimada Sadahiko, Umehara Sueji. Studies on the sites and remains of the ancient bead-workers in the province of Idzumo. With tables of the specific gravity of Jade Magatama and other beads found in Japan and in Korea. Appendix: Corpus of the polished stone arrow-

- points and daggers, discovered in Japan. Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University, v. 10 (English and Japan. texts). Tokyo, The Tôkô-shoin, 1927.
- Hamada Kôsaku, Umebara Sueji. Ancient sepulchre at Midzuo, Takashima-gun in the province of Omi (Japan. text, English résumé). Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University, v. 8, 1923.
- Hara K. Histoire du Japon des origines à nos jours. Bibliothèque historique, Paris, 1926.
- Hasebe Kotonô. Study upon the human bones found at Kô in the second excavation (Japan. text, English résumé). Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University, v. 5, 1919—1920.
- The Excavation of the shell mounds at Tsukumo, a neolithic cemetery in the province of Bitchû. Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University, v. 5, 1919—1920.
- Ein Beitrag zum Rassenunterschied der Scapula (mit Rücksicht auf die Scapula der Steinzeitmenschen Japans). Arbeiten aus dem Anatomischen Institut der Kaiserlich-Japan. Universität in Sendai, Nr. 6, 1921, S. 7—14.
- On the shells, animal bones and human remains, found in the shell mound at Idzumi. Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University, v. 6, 1921.
- Japans Zahnverstümmelungsformen bei den Steinzeitmenschen. Arbeiten aus dem Anatomischen Institut der Kaiserlich-Japan. Universität, Sendai, Heft II, 1924, S. 61—106.
- Hauschild M. W. Vorgeschichtliche Skelettfunde in Japan und deren Bedeutung für die Ainofrage. Vortrag am 17. Mai 1924 vor der Anthropologischen Gesellschaft zu Berlin.
- Higuchi K. Über die neugefundenen Muschelhaufen Mori unweit von Takada, Province Bungo, Kyushu. Ztschr. für Præhistorie (Shizengaku Zasshi, Tokyo), Jahrgang 3,1. (40 S. japanisch, 6 S. deutscher Auszug).
- Iijima J., Sasaki C. Okadaira shell-mound at Hitachi. Memoir of the Science Department in Tokyo Imperial University, Tokyo, 1883.
- Joyce T. A. Note on prehistoric pottery from Japan and New Guinea. Journal of Anthropolog. Institute of Great Britain and Ireland, v. 42, 1912, pp. 545—546.
- Kараров Е. Новейшие теории происхождения айну. Советский Север, 1931, № 1, стр. 170—173.
- Kanaseki Takeo, Takeo Tabata. Über die Körpergrösse des Tsukumo-Steinzeitmenschen Japans. Folia anatomica japonica, Bd. 8, 3/4, 1930, S. 265—282.
- Kanda T. Notes on the ancient stone implements of Japan. Tokyo, 1884.
- Katsunuma Seizo, Katsunuma Rokuro. On the bone-marrow cells of man and animal in the Stone Age of Japan. Proceedings of the Imperial Academy of Japan, v. 5, 1929, pp. 388—389.
- Kishinouye Kamakichi, Prehistoric fishing in Japan. Journal of the College of Agriculture. Imperial University of Tokyo, v. 11, 7, Tokyo, 1911, pp. 327—382.
- Kiyono K., Sakakibara M., Hamada K., Shimada S. Excavations of the shell-mound at Tsukumo in Bitchû. Excavation of the shell-mound at Todoroki in Higo. Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University, v. 5, 1920.
- Koganei Ioshikijo. Über die Urbewohner von Japan. «Globus», 1903.
- Urbewohner von Japan. Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens, Bd. IX, H. 3, 1903.
- Über die künstliche Deformation des Gebisses bei den Steinzeitmenschen Japans. Mitteilungen der Medizinischen Fakultät der Kaiserlichen Universität zu Tokyo, v. XXVIII, H. 3, Tokyo, 1922, S. 430—485.
- Bestattungsweise der Steinzeitmenschen Japans. Ztschr. für Ethnologie, Bd. 55, Berlin, 1923, S. 166—200.
- Zur Frage der Abstammung der Aino und ihre Verwandtschaft mit anderen Völkern. Anthropologischer Anzeiger, Stuttgart, Bd. 3, 1927; Bd. 4, 1928.
- Kühn Herbert. Prähistorische japanische Zeichnungen. Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst («ЮРЕК»), Bd. 3, 1927, S. 199 (nach Kenji Takahashi «On the primitive painting of Japan in the ancient times», «Kokka», № 416, 418, 419, 1925).
- Murô F. Japanische Saizen. Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens, Bd. XIV, T. 2, Tokyo, 1913, S. 156—170.
- Naturkritische Entdeckungen in den Yama 3. 7 in Band XIV, T. 2 «Die Japanische Saizen. Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens, Bd. XIV, T. 2, Tokyo, 1913, S. 269—271.
- Nasao Oka. Das Problem der Kultur der Nord-Kurilen (Kurilen). Congrès International des sciences anthropologiques et ethnologiques. Compte Rendu de la Session 1925, Copenhagen, 1925.

- Matsu moto Nobuhiro. Notes on the stone age people of Japan. *American Anthropologist*, v. 25, New York, 1921, pp. 50—76.
- *Le Japonais et les langues austroasiatiques*. *Austro-Asiatica. Documents et travaux*, I, Paris, 1925.
- Meyer Fr. Künstliche Deformation des Gebisses bei den Steinzeitmenschen Japans. *Deutsche zahnärztliche Wochenschrift*, Bd. 28, 1925, S. 283.
- Milne J. Notes on stone implements from Otaru and Hokodate, with a few general remarks on the prehistoric remains of Japan. *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, v. VIII, Yokohama, 1880, p. 83—119.
- Notes on the Koro-Pok-Guru, or Pit-dwellers of Yezo and the Kurile Islands. *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, v. X, 2, Yokohama, 1882.
- The stone age in Japan. *The Journal of the Anthrop. Institute of Great Britain and Ireland*, vol. X. London, 1881.
- Montandon George. Au pays des Aïnou. *Exploration anthropologique*, Paris, 1927.
- Aïnou, Japonais, Bouriates. *L'Anthropologie*, v. 37, Paris, 1927, pp. 97—124, 329—351.
- La civilisation Aïnou et les cultures arctiques. Paris, 1937.
- Morse E. S. Shell mounds of Omori. *Memoir of the Science Department*, Tokyo Imperial University, v. I, 1, Tokyo, 1879, pp. 1—36.
- Munro N. Gordon. Primitive Culture in Japan. *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, v. 34, Tokyo, 1906, p. 2.
- Prehistoric Japan. Yokohama, 1908; II Ed., Yokohama, 1911.
- Reflections on some European paleoliths and Japanese survivals. *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, v. XXXVII, 1, Yokohama, 1909, pp. 125—158.
- Some origins and survivals. *Transactions of the Asiatic Society of Japan*, v. XXXVIII, 3, Tokyo, 1911, pp. 1—74.
- Ainu neolithic implements. *Nature*, v. 420, London, 1927, p. 312.
- Murdoch James. A History of Japan. V. I. From the origins to the arrival of the Portuguese in A. D. 1542. London, Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., 1926.
- Nagai. Die Urbewohner Japans. Vortrag im Anthropologischen Verein zu Göttingen 21 Febr. 1906. *Korrespondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte*, Bd. 37, Braunschweig, 1906, S. 70—74.
- Nachod Oskar. Bibliographie von Japan, 1906—1932. Bd. I—IV, Leipzig.
- Nachod O., Wedemeyer A. Japanische Frühgeschichte. *Asia Major*, Bd. 7, Leipzig, 1930, S. 490—508.
- Nakaya Jiujiro. A study of the stone age remains of Japan (Japan. text, English résumé). *Papers of the Anthropological Institute. College of Science, Tokyo Imperial University*, № 4, Tokyo, 1927.
- Contribution à l'étude de la civilisation néolithique du Japon, touchant particulièrement les domaines de distribution et de civilisation. *Revue des arts asiatiques*, v. 6, 1929/1930, pp. 151—167.
- Manuel de l'âge de pierre au Japon, Tokyo, 1929.
- L'âge de pierre au Japon. *Formes IV*, Paris, 1930, p. 9—11.
- Figurines néolithiques au Japon. *Documents II*, 1, Paris, 1930, pp. 25—32.
- Introduction à l'étude des figurines néolithiques au Japon (Résumé). *Bulletin de la Société préhistorique Française (Les Mans)*, № 9, 1930.
- Introduction à l'étude des figurines de l'âge de pierre au Japon. *Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst («JPEK»)*, Berlin, 1930, S. 19—30.
- Catalogue of works relating to the stone age of Japan (in foreign languages) 1868—1927. Reprinted from *Bibliography on the Stone Age of Japan*, Tokyo, 1930.
- Contribution à l'étude de la civilisation néolithique du Japon. *Revue des arts asiatiques*, Paris, 1930, pp. 151—167.
- Nora N. On the discovery of palaeolithic relics in the province of Harima (Japan. text). *The Journal of the Anthropological Society of Tokyo*, v. XLVI, Tokyo, 1931, pp. 155—165, 212—228.
- Onder de oorspronkelijke bewoners van Japan. *Revue van Uitvindingen*, 2, 1906, 81—88.
- Oyama K. The Crown Prince of Sweden visits the shell mounds of Ubayama, Shimosha (Japan. text). *Journal of Anthropological Society of Tokyo*, v. XLI, Tokyo, 1926, p. 552.
- Ausgrabungsbericht über die Muschelhaufengruppe Kaizuka, beim Dorf Yashibumi, Province Chiba, Tokyo, 1929 (23 S. Japan., 4 S. — deutsches Résumé. Sonderdruck).
- Korekawa Funde vom Korekawa, einer charakteristischen steinzeitlichen Station vom Kama-ga-oka Typus der Nord-Ost-Jomon Kultur. *Ztschr. für Prähistorie (Shizengaku Zasshi; Tokyo)*. Bd. 2, 4, 1930 (31 S. deutscher und 47 S. Japan. Text).
- Yaei-Kultur. Eine prähistorische Kultur der japanischen Inseln. Jubiläumsband herausgegeben von der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens. Teil I, Tokyo, 1933, S. 127—134.
- Поэднеев Д. М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношениям к материке Азии и России, Токио, 1909.
- Нодливанов Е. Д. Одна из японо-малайских параллелей. *Азиатский сборник*, Петроград, 1918.

- Поляков И. С. Отчет об исследованиях на острове Сахалине, в Южно-усурийском крае и в Японии. Приложение к XLVII тому Записок Академии Наук, № 6, СПб, 1884.
- Read H. Far Eastern archaeology. *Antiquaries Journal*, v. 2, 1922, pp. 177—192.
- Rehlen W. Vorgeschichte aus Japan. *Korrespondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnographie und Urgeschichte*, Bd. 44, 1913, S. 88—89.
- Schnellivar. Prehistoric finds from the Island World of the Far East, now preserved in the Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm. The Museum of Far Eastern Antiquities (Östasiatiska Samlingarna). Bulletin No 4, Stockholm, 1932.
- Schmidt H. Prähistorisches aus Ostasien. *Zeitschrift für Ethnologie*, B. LVI, 1926, pp. 133—157.
- Schurhammer G. Der erste Bericht über die Ainu in Nordjapan. *Die katholischen Missionen*, 1926, S. 189.
- Shibata. Caverns recently discovered at Unamimura in the province of Etchu (Japan. text). *Journal of the Anthropological Society of Tokyo*, v. XXXIII, Tokyo, 1918.
- Shimada Sadahiko. Studies on the prehistoric site at Okamoto Suku in the province of Chikuzen (Japan. text, English résumé). *Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University*, v. XI, 1930.
- Shimada S., Hamada K. Excavations of the shell mound at Idzumi in the province of Satsuma (Japan. text, English résumé). *Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University*, v. XI, 1930.
- Shimada Sadahiko, Umehara Sueji: 1) S. Shimada. Studies on the prehistoric sites of Okamoto Suku in the province of Chikuzen; 2) S. Umehara. Essais on the ancient mirrors from Suku; 3) Appendix: Tanenobu Aoyagi. Illustrated description of ancient objects, found at Mikumo village, Idogun in Chikuzen province. *Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University*, v. II (pp. 1, 115, 36 — Japan. text; p. 28 — English text), 1928—1930.
- Siebold H. von. Notes on Japanese Archaeology with special reference to the stone age, Yokohama, 1879.
- Simon E. Ein Hagatograb bei Kokubu (Osumi). *Deutsche Japan. Post*, Bd. 12, 1913—1914, S. 1027—1029.
- Simotomai H. Die diluviale Eiszeit in Japan. *Ztschr. der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin* 1914, Berlin, 1914, S. 56—59.
- Штернберг Л. Я. Айнская проблема. Сборник Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР, т. VIII, Л., 1929.
- Sternberg L. The Ainu Problem. *Anthropos*, v. 24, 1929, pp. 755—799. (австро-незийское происхождение айну).
- Stübe R. Ursprung des japanischen Volkes und die Anfänge seiner Kultur. *Natur*, Bd. 7, 1915, S. 23.
- Suzuki, Buntarō. On the human skeletons found at Kō, Kawachi and at Todoroki, Higo, with some remarks on the stone age people in Japan. *Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University*, v. 2, 1918.
- The Dolmens of Japan. *Japan Magazine*, v. 3, 1912—1913, pp. 494—504.
- Toki R. On the distribution of shell-mounds in the Kwanto district from the viewpoint of geomorphology (Japan. text). *Journal of the Anthropological Society of Tokyo*, v. XLI, Tokyo, 1926, pp. 488—552.
- Torjii R. On the stone age of Japan. *Early Man*. Edited by McGurdy, 1937.
- *Études archéologiques et ethnologiques. Les Aïnou des îles Kouriles. Journal of the College of Science, Imperial University of Tokyo*, v. 42, art. 1, 1919.
- Трофимова Т. А. К айнской проблеме. *Антропологический журнал*, № 2, 1932.
- Umehara Sueji. Neolithic site at Kishi and Takayasu. *Reports upon Archaeological Research in the Departm. of Literature, Kyoto Imperial University*, v. 2, 1918.
- Verdross Edler von Drossberg. Ursprung und Elemente der japanischen Nation. Eine kulturvergleichende Studie. *Asien*, Bd. 11, S. 183—184; Bd. 12, S. 5—8; 1911/1912, 1912/1913.
- Verworn M. Ohne Titel. *Korrespondenzblatt der Deutschen Gesellschaft für Anthropologie*, Bd. 39, 1908, S. 55 (Mitteilung über eine als grabbeigebdienende Terakottafiguren «Naniwa»).
- Wedemeyer A. Japanische Frühgeschichte. Untersuchungen zur Chronologie und Territorialverfassung von Altjapan bis zum 5. Jahrh. nach Chr., Tokyo. *Deutsche Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens*, Verlag Asia Major, Leipzig, 1908. *Mitteilungen der Deutschen Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens*, Suppl.-Bd. II, 24.
- Yachi S. Anthropological notes taken during a journey in northern part of Japan. *Journal of Anthropological Society in Tokyo*, v. 15, No. 153, October 1899.
- Yachizawa Kion. Notes on burials found in the shell mounds of Moyori, Hokkaido. *Journal of Anthropological Society*, v. 50, No. 548, pp. 47, 56 (Japan. text), Tokyo, 1935.

